

Семен Злотников

СТРАСТЬ

Действуют:

Рэм – 62 лет, художник, скульптор

Мария – 34 лет, актриса

Часть первая

В темноте вспыхивает крохотный огонек зажигалки, освещая лицо художника. Осторожно ступая, он пробирается к цели.

Рэм(невнятно). Сейчас... доберемся до света... станет радостно жить... Жизнь, говорят, чтобы радоваться... Где-то даже написано... Вот память: буквально утром переставил фонарь – а куда? *(Огонек зажигалки гаснет – темно.)* У-у-у, отзовитесь, Мария!

Мария. У-у!

Рэм. Вы не исчезнете?

Мария. Не-ет... вы просили – я жду-у...

Рэм(смеется). Признайтесь, чего, неприятностей?

Мария (смеется). Боже меня упаси-и...

Рэм. Тогда поклянитесь на вечности – не потеряться-а...

Мария. О-о... А где она, вечность – у-у... Тут темно, я не вижуу...

Мягким светом возгорается в дальнем углу мастерской художника электрический фонарь, стоящий на полу.

Тут же, на полу и на подставках – скульптуры и холсты картин, в беспорядке развешанных по стенам, или брошенных на полу.

На рабочем столе: мусорное ведро, кисти, тюбики, банки с красками и прочее.

На мольберте холст, накрытый тряпкой.

Незаконченная скульптура женщины.

Кресло.

Огромных размеров библейский стул, похожий на трон, с растущими из спинки ветвями дерева - кажется фантазией скульптора.

У самого трона раскладушка, постель не прибрана.

Столик на колесиках со спиртным; пол усыпан окурками.

В дверях с букетом цветов стоит красивая женщина в плаще.

На другом конце мастерской – Рэм.

Оба молчат, улыбаются.

Рэм. Было однажды сказано: и да будет свет? Невозможно представить: кто-то сказал – и случилось... Ох, извините... *(Вдруг, словно спохватывается, убирает со стола мусорное ведро, уносит в дальний угол мастерской.)* Вообще-то, знающие

люди поговаривают... будто Он, этот Кто-то... и есть вечный мрак, вечный свет... И остальное-прочее, что бывает – кстати, тоже Он... Такой вот всемогущий, который все может... Понять невозможно, размышлять бесполезно, остается – поверить. Пожалуйста, проходите, почувствуйте себя...

Мария *(с интересом разглядывает мастерскую)*. Спасибо.

Рэм. Хочется – можно, курите.

Мария. Спасибо. Пытаюсь бросить.

Рэм. Получается?

Мария. Не очень.

Рэм. Я тоже пытаюсь – и тоже, не очень... Что, любите жизнь?

Мария *(не сразу, с улыбкой)*. Не знаю... А что?

Рэм. Я спросил...

Мария. Наверно, люблю.

Рэм. Еще не решили?

Мария. Люблю.

Рэм. Извините. *(Перетаскивает раскладушку, прибирает постель)*. Наверно, люблю, но наверно не знаю... Люблю – потому что люблю... А не люблю – потому что не люблю...

Молчат.

Мария. Вот так-так: художник в подвале?

Рэм. Сейчас скажете – так не бывает?

Мария. Ничего же тут не слышно.

Рэм. И правда...

Мария. Наверху будут бомбы падать – вы даже не узнаете. От войны, что ли, прячетесь?

Рэм. Нет. А война, по-вашему, самое страшное в жизни? *(Она не отвечает.)* Однажды проснулся – вдруг, увидел себя в подвале. Как бы не был готов – поэтому удивился. И даже раскис. Впрочем, скоро привык. В общем-то, ко всему привыкаешь... А что, подумал, забавно: еще не помер – уже в могилке.

Мария. Бога ради, простите. Я спросила... мне просто казалось: солнышко для художника – первое дело.

Рэм *(с улыбкой)*. Может, все-таки первое – сам художник?

Мария (с улыбкой). Но художнику нужен свет?

Рэм. Изнутри – очень нужен... Просто необходим...

Она внимательно разглядывает картину, кажется, читает надпись на рамке.

Душа старого верблюда.

Мария(с недоверчивой улыбкой). А почему, объясните, верблюда? Да к тому же и старого?

Рэм. А спросить: почему душа?

Мария(смеется). Хорошо, спрашиваю: почему душа?

Он молчит, улыбается; она переходит к другой картине; смеется.

Скажите, вы тут ничего не напутали? Назвали картину: душа старого змея, а нарисовано поле из сказочных маков... А как понимать?

Рэм (пожимает плечами). Понимать...

Мария. А, понимаю – такая метафора?

Рэм. Эффект из близости не тот.

Мария (оборачивается). Что, простите?

Рэм (с улыбкой). Меня еще в школе учили: к истинной живописи, как к огню, приближаться не следует. Хотите снять плащ?

Мария. Не знаю...

Рэм. Цветы можем в воду пока...

Мария. Я сама, если можно... Немного потом – хорошо? Удивительные... Ничего, я с ними побуду? Мне с ними хорошо...

Рэм. Я вас нарисую с цветами – хотите?

Мария(смеется). Хочу...

Рэм(подходит к ней ближе). Полотно назовем: Мария с букетом... Мария, я правильно?

Мария(с улыбкой). Да...

Рэм. Или лучше: Мария с цветами... Маша, Маруся... Мне лучше – Мария... Мария, Мария... Нет возражений?

Мария. Можно Мария.

Рэм. Сразу заметно: вы – добрая.

Мария. Спасибо.

Рэм. Я говорю то, что чувствую.

Мария. Верю.

Рэм (*словно заглядевшись, было потянулся рукой к ее лицу – впрочем, рука, вдруг, словно замерла на весу*). Если забыли, я – Рэм... Рэм, просто Рэм... Революция, электрификация, мир... Хорошо, еще не добавили: чушь собачья, слабоумие почеловечьи, назывался бы как-нибудь: Рэм-ч-с-с-по-ч... Однако, что занимало родителей!.. В общем, на случай пожара: Рэм. А, впрочем, забудете – тоже неважно. Ну, кричите: старик, эй, старик!

Мария(*с улыбкой*). Я не забыла: Рэм..

Он, вдруг, нагибается, поднимает с пола конец провода, направляется в противоположный конец мастерской.

Рэм. Только еще фонарь подключу...

**Женщина тем временем достает из сумочки мобильный телефон, звонит – похоже, не соединяется.
Он включает еще фонарь, направляет свет на нее.**

Мария (*набирает снова и снова, бормочет*). Никакого ответа, подумайте...

Рэм (*с интересом ее разглядывает; вдруг*). Мария!

Мария (*пугается, роняет телефон на пол, торопливо его подбирает, прячет в сумку*). Что, пора? Я, собственно – да, я готова... Мы – уже? Начинаем работать?..

Рэм (*улыбается, не сразу*). Плащ снимать не хотите? Категорически?

Мария(*неуверенно*). Да... Впрочем, я... Что, сейчас?

РЭМ. Я все-таки вас напугал.

Мария. Меня?

Рэм. Напугал, напугал.

Мария. Когда, интересно?

Рэм. Там, в гримерной...

Мария*(широко открывает глаза)*. Не помню.

Рэм. Без спросу ворвался, нес чепуху, хватал за руки, божился не навредить... Могло показаться – я вел себя странно...

Мария*(смеется)*. Да вы фантазер, Рэм... И совсем не врывались, даже совсем наоборот: долго царапались по двери, я уже пять раз успела вам крикнуть: да! можно! входите!

Рэм. Так это выглядело?

Мария. Именно так и выглядело: робкий, застенчивый...

Рэм. Воистину, себя не видишь: я, по моему ощущению, продемонстрировал свои наихудшие качества...

Мария. А по моему ощущению... Меня поразило: вы были бледны, в глазах тайна... Я еще, помню, про себя подумала: ух, какой...

Рэм. Старый дурак.

Мария*(смеется)*. Нет, ну зачем? Совсем в других выражениях.

Рэм. Ну, значит, мне повезло.

Мария. Со мною как раз никому не везет!

Рэм. Нет-нет, я серьезно: мне повстречать, вдруг, такую, как вы... Один шанс из тысячи!

Она улыбается.

И он улыбается.

Что будем пить: водку, виски, бренди, ликер, шампанское? Ну-ну, не стесняйтесь, чего душа просит? Я к нашей встрече готовился.

Мария*(удивленно)*. К нашей?

Рэм. Представьте, что к нашей, Мария... Что, странно?
(Внезапно уходит в дальний конец мастерской.)

Мария. Но вы говорили – мы никогда прежде не встречались!

Рэм *(откликается)*. ...Душа просит праздника, знаю! Она слишком знает, что у нас там, впереди – и поэтому просит: радуйся, пока можешь! *(Выкатывает столик на колесиках, на котором: спиртное, стаканы, полотенце; протирает стаканы.)* Украшение дерева жизни – сюрпризы! Что меня

восхищает в жизни – непредсказуемость! В театр забрел – просто мимо шел. На афише увидел: «Инцест»! О-о, мне замерещилось страшное преступление: против Бога, семьи, человечности, вообще против жизни на земле! *(Смеется.)* Короче, я стал вспоминать: Адам познал Еву – вполне даже можно сказать, познал собственное ребро. Братоубийца по имени Каин тоже кого-то познал. Ну-ну, а кого, кстати, Каин познал, не припомните? Мрак – одним словом... Подумал: пойду, погляжу на семейную жизнь. В кои-то веки, подумал, покажут комедию – посмеюсь... *(Берет в руки водку.)* А потом я купил билет, а потом я увидел вас, а потом...

Мария*(удивленно)*. Инцест, вы решили, комедия?

Рэм*(смеется)*. Признаться, пока не решил...

Она почему-то молчит.

Водка, огурцы... Курица с вертела... Правда, остывшая... Для вас, кстати, могу подогреть...

Мария. Спасибо... Не стоит, пожалуй...

Рэм. Вы с работы...

Мария. После спектакля еще настроение... Ну, в общем, как бы еще в другой шкуре... Как бы еще пережить... Так что, вы сказали, инцест?

Рэм. «Белый аист», Наташа, коньяк... Помните сказочку: было однажды, очень давно, к мужчине и женщине прилетел добрый аист и в клюве принес им...

Мария*(смеется)*. ...Ребеночка – помню.

Рэм*(ставит водку обратно, поднимает коньяк)*. Да! Коньяку?

Мария. Все равно.

Рэм. Мария, расслабьтесь: мне показалось, вы там, на сцене, достаточно пережили...

Мария*(с улыбкой)*. О, там другое...

Рэм *(наполняет стаканы)*. Вы жутко страдали – мне так показалось. Или, наверно, точнее сказать – что ваш персонаж страдал. Впрочем, как различить – персонаж или вы? Я, то есть, поверьте, сочувствовал вам – как мог. В том месте, особенно,

где умоляли любимого сына не делать **этого**... У меня, кроме шуток, ком в горле, в мозгу... Ему, главное, как человеку, говорят, а он, как оглох... А тот эпизод, где он вас... ну, когда он склонял вас к инцесту... (*Смеется*) тоже очень сильный... Вот это, понимаю, страсть: фатальная, роковая. Бедняга, ему до зарезу хотелось именно **этого**...

Мария(*с улыбкой*). Когда-то я его бросила – он мне так мстил...

Рэм (вдруг). А, Мария, скажите: такое возможно?

Мария(*с улыбкой*). Не знаю...

Рэм. Нет, в жизни?

Мария. Не дай Бог...

Рэм. Тогда... (*Поднимает стакан*). Тогда – за великую силу искусства?

Мария. За нее... (*Пьет*.)

Рэм (*не пригубив, опускает стакан, включает музыку, вновь поднимает стакан*). И – за встречу? Давайте-ка, что ли, за встречу?

Мария (*смеется*). Давайте.

Он, вдруг, мягко увлекает ее в некий танец.

О, кажется, мы собирались работать...

Рэм. А уже... А мы это – мы как бы уже...

Мария. Что уже, Рэм?

Рэм. Ну, как бы уже появились на свет – а вы не заметили?

Мария. Нет, Рэм, я серьезно...

Рэм. И я... И уже мы любили, страдали, мучились...

Мария. Рэм...

Рэм. ...Были счастливы и одиноки...

Мария(*смеется*). Сжальтесь, Рэм, я после спектакля...

Рэм. Жизнь как будто прошла – а еще ничего не понятно!

Мария(*останавливает его*). Ох, эта светская жизнь – я отвыкла, постойте... Голова закружилась, простите... Как белка, верчу колесо: дом – театр, театр – дом...

Рэм (*как бы между прочим*). Артур...

Мария. Что?

Рэм. Артур... Мне прямо врезалось в память: Артур.

Мария *(не сразу; впрочем, с улыбкой)*. Рэм, вы что? Рэм, однако, я вас начинаю бояться...

Рэм. Вы из примерки звонили ему, невольно подслушал. Артур, кричали, Артур, просили простить... Он трубку швырял – вы опять звонили... Мария, признаться, я был оскорблен.

Мария *(не сразу; впрочем, со смехом)*. Ой, Рэм, вы, что ли, ревнуете, Рэм?

Рэм. Я ревную. А что?

Мария *(с улыбкой)*. Что ли, шутите? Что ли, серьезно?

Рэм *(не отпускает ее)*. Мир вокруг нас существует, пока не закроешь глаза. Примерно, смотрите: я их закрыл – и его, этого самого мира, как бы сразу и нет. И Артур – про него, вдруг, забыть – и, глядишь, его как бы тоже нет. Квинтэссенция бытия – беседа, коньяк, шелестение душ... *(Шепчет.)* Хочу вас понять... ощутить, как натуру... Глазами, еще, что ли, сердцем... Ведь мы никуда не спешим? Ответьте мне: да?

Мария *(с улыбкой)*. Да... Мой мобильник испортился... Батарейка, наверно, не понимаю... Можно от вас позвонить?

Рэм *(не сразу)*. А... *(Вдруг, озирается по сторонам, поднимает с пола плащ, достает из карманов блокнот, сигареты, связку ключей, смятые денежные купюры, наконец, находит мобильный телефон.)* Прошу...

Мария. Спасибо... *(Берет телефон, опускает цветы, яблоко на стол.)* Я – буквально звонок...

Рэм. Бога ради.

Мария. Не долго...

Рэм. О чем вы!..

Мария. Правда... Я мигом... Увидите... Сонечка, ты меня слышишь?

Рэм. Залезайте сюда, тут слышно получше... *(Помогает ей взобраться на библейский стул.)* Секрет подземелья... Вне логики... Говорите...

Мария. Спасибо... Доченька, слышишь меня? А так тебе слышно?

Рэм *(шепчет)*. Дайте мне ваш телефон.

Мария. Что вы сказали?

Рэм. Мобильный... Пока заряжу... Давайте-давайте...

Мария(в трубку). Жди, я сейчас! (Отдает ему свой неработающий мобильник.) Вы там в порядке? Доченька, слышу, скажи: Тимка спит? Мордашку, надеюсь, помыла ему? Да, а ручки? Да, точно, одну и другую?

Рэм удаляется.

Доченька, я на работе. Нет, не в театре, потом расскажу. Расскажу, обещаю. Я тебя тоже люблю. Очень-очень... Если Артур позвонит – скажи, я звонила ему раз пятьсот, он трубку не брал. Да, передай, теперь только утром... Скажешь, доченька? Да, не забудешь? Будь умницей. Да, пока... Да, люблю...

Задумчиво стоит на «троне».

Рэм (появляется с пакетом в руках). Как там, дома, в порядке? Мир там без вас не обрушили?

Мария. Ой, нет... Да, слава Богу...

Он стоит, молча ее разглядывает.

Рэм...

Рэм(не сразу). Да.

Мария. У вас много детей?

Рэм(не сразу). Достаточно.

Мария. Не хотите говорить – не говорите. Простите...

Рэм(не сразу). Есть точка зрения, наши любимые детишки – только на самом примитивном, физическом уровне наши. По сути – заблудшие души, случайно к нам залетевшие.

Мария. Дети, по-моему, – хорошо...

Рэм(вдруг). Плащ! Снимите его, наконец!

Она торопливо снимает плащ, роняет на пол.

Он его подбирает, швыряет на тахту.

Стоит и внимательно ее разглядывает.

Хорошо, если дети – а, вдруг, залетят продолженцы... Бывает, конечно, и родная душа забредет на огонек... Моя, например, продолженка, мне страшно мстит: из дому прогнала, внуков ко мне не пускает...

Мария. За что?

Рэм. За что? Наверно – дал жизнь...

Мария. Наверно – обидели?

Рэм. Как же, обидишь ее... Мой кошмар... Тетка чужая, противная...

Мария, было, спускается с «трона».

Прошу вас, останьтесь! Так вам не трудно?

Она застывает.

Он молча ее разглядывает.

Мария. Мне иногда кажется... мои дети... единственное, что у меня настоящее...

Рэм. Артур, значит, – не настоящее?

Женщина не отвечает.

Он отдает ей пакет.

Наденьте, пожалуйста.

Мария. Сейчас?

Рэм. Это сложно?

Мария. Нет. *(Стоит, заглядывает в пакет.)*

Рэм *(тихо).* Мария...

Мария *(не сразу).* Вы что-то сказали?

Рэм. Нет.

Мария. Наверно, слышалось.

Рэм. Как хорошо, что вы здесь. Мне хорошо. *(Молчит.)* Я вас провожу. *(Помогает ей спуститься, провожает на кухню).* Зеркало над умывальником. Да, кстати, вы не пугайтесь, там черная глина в тазах размокает.

Мария(смеется). Страшно...

Рэм. Предупреждаю: она, случается, знаете, этак – чвакает от предвкушения...

Мария. Ужас... (Скрывается).

Рэм (задумчиво). Иногда представляю, как она, эта глина, томилась в ожидании, пока не явился Тот Самый...

Тишина.

Он достает сигарету, разламывает пополам, половинку роняет на пол, другую вставляет в мундштук; впрочем, не закуривает; вдруг, уходит в дальний угол мастерской, приносит мольберт и картину – ту самую, что прятал в самом начале нашей истории.

Оглядывается в поисках места, где бы поставить.

(Громко.) Мария, скажите, с вами бывало: вдруг, встречаешь человека, которого прежде никогда не видел – но ощущение, будто вы с ним знакомы давно! (Тишина.) Мария, вы слышите?

Мария (из кухни). Да!

Рэм. Когда, вдруг, вспоминаются вещи – невероятные!

Мария(из кухни). Когда встречаешь родную душу!

Рэм(тихо повторяет). Родную душу... Такое возможно?

Мария. На встречу всегда надеешься!

Рэм. Полагаете – возможно?

Ответа нет.

Мария(вдруг, кричит из кухни). Рэм, она, правда, чвакает!

Рэм (улыбается). Я говорил! (Наконец, устанавливает мольберт.) Вы мне не ответили: с вами такое бывало? Мне очень важно, Мария! Мария!

Она появляется, переодетая в странное черное платье с красной розой и красным шарфом на шее.

Он видит ее, выдыхает.

Мария...

Тишина.

Фокусы любите?

Мария. Да...

Рэм(*необычайно взволнован*). Сейчас покажу фокус-покус про белых ворон. Где-то читал или сам придумал: до того, как стать черными – они были белыми.

Мария(*смеется*). Придумали, Рэм!

Рэм. Стойте здесь... Приготовились...

Мария. Боже, какая интрига.

Рэм (*оставляет ее, отступает к мольберту*). Не то слово, Мария... Мария, Мария... Внимание, смотрим глазами, Мария... Ну, то есть, сначала глазами, Мария, потом... Предупреждаю вас: мало смотреть – надо видеть... Сердцем, душой, третьим глазом – что там у нас? Что-то такое должно быть, Мария, не может не быть... (*Сдергивает покрывало с картины.*)

Тишина.

Узнаете? Мария, вы узнаете? Отвечайте, вы узнаете?

Мария(*видит картину, молчит, удивления не скрывает*).
Всего ожидала – этого меньше всего...

Рэм. Скажите, ну, разве все это – не странно?

Мария. Действительно, фокус...

Рэм. Не странно?

Мария(*мрачней*). Кажется, я теперь понимаю, кто умыкал из фойе мои фотографии...

Рэм. Этот портрет я – Бог знает, лет двести пишу!

Мария. ...Ай-ай, Рэм, такой взрослый мужчина...

Рэм. ...Не поверите, тысячу раз начинал, бросал, опять возвращался...

Мария. ...Никого не воруют – меня воруют...

Рэм. Я особенно понял, когда вас увидел: я в ней чего-то постичь не могу...

Мария(с укором). Театр, актрисы, да вы их не знаете, Рэм! Рэм, вам не жалко меня?

Он снимает картину с мольберта – она у него отнимает.

Куда вы, оставьте, Рэм, мне интересно!

Рэм. Вы что, мне не верите?

Мария. Верю!

Рэм. Портрет вам не нравится – так и скажите! (*Уходит в дальний конец мастерской.*)

Мария. Нравится! Не обижайтесь! Я только хотела сказать – что мы не похожи! Лоб, выражение глаз – вообще... Насколько я себя ощущаю – я родилась на земле... Она же как будто на землю спустилась... Даже, похоже, кто-то ее толкнул – не сама... Простым глазом видно: про наше житье тут ничегошеньки не понимает... Короче, мы с нею совсем не похожи... Или, вернее, похожи – но не похожи...

Рэм отключает один за другим фонари - в ночи возникают картины сказочного города.

Рэм. Однажды, вдруг, понимаешь: у тебя ничего, кроме памяти, и не осталось. Твоя жизнь – только то, что ты помнишь. Не больше и не меньше. А чего позабыл – того, считай, не было. Как бы словно не жил.

Мария. Что это, Рэм?

Рэм. Вот сейчас вы все вспомните, все... Мы с вами тут жили... Когда-то, давно, в другой жизни... И нам было хорошо...

Мария. Боже, какое все нереальное...

Рэм. Все!

Мария. Окошки со ставнями... черепичные крыши домов... старинный трамвайчик, вокзал... привокзальная площадь...

Рэм. Ворота с калиткой на узкую улочку, мощеную скользким булыжником?

Мария. Да, похожа на речку, вижу: изгибается, вдруг, пропадает... опять возникает...

Рэм. Странная улочка, странно текущая через весь город...

Мария. Вы в этом городе жили?

Рэм. Возможно, что жил...

Мария. Возможно, что жили?

Рэм. Возможно, придумал...

Мария*(не сразу)*. Фонарики, как настоящие... Даже лужицы под ними... А что там написано, Рэм? На воротах, над самой калиткой?

Рэм. Потерянный дом, номер первый...

Мария. Этот дом – он потерянный, правда? *(Смеется)*. В самом деле, дуреха, вчера родилась: ну, конечно, потерянный рай... А там, у колодца, собака?

Рэм*(возвращается)*. Потерянный пес...

Мария. Потерянный пес, потерянный дом, потерянный город...

Рэм. Должно быть, еще где-то там заблудилась моя душа...

Мария. Потерянная душа...

Рэм. Иногда мне мерещится: моя жизнь выплывает ко мне... Выплывает, как если представить, что выплыл, давно затонувший корабль...

Мария*(благодарно касается его руки)*. Я бы тут поселилась – кто бы пустил...

Рэм*(поддерживает ее за руку)*. Буду рад...

Мария. На потерянной улочке, вдруг бы, самой для себя потеряться... И, не помня себя, долго по ней бы брести... Интересно, откуда слова?

Рэм. Из души – может быть...

Мария*(смеется)*. О-о, из души – да где, наконец, она, эта душа?

Рэм*(неопределенно махнув рукой)*. Она – там...

Мария. Где, скажите?

Рэм*(неопределенно махнув рукой в противоположную сторону)*. Там-там... Или, может быть – там... Хотите, поищем?

Мария. Хочу...

Рэм. Туда, вниз, к фонтану... Пойдем по ступенькам... *(Берет ее руку.)*

Мария. По камешкам, на каблучках... цок и цок... цок-цок...

Рэм. Еще ступенька... еще ступенька... еще, пожалуй, одна...

Мария. На потерянной улочке, помнится, было потерянное кафе...

Рэм. А вот и кафе...

Мария. Столик стеклянный под тентом из стекла, стеклянный официант...

Рэм. Что подать?

Мария(открывает глаза). А что есть?

Рэм. Скажите, чего пожелаете?

Мария(смеется). О, мне бы радости – если осталось!

Рэм. О, мадам. Слишком много желающих, о, мадам. Увы, до заката прикончили всю, о, мадам.

Мария. Как жаль!

Рэм. Но, мадам. Когда не случится пожара, потопа, войны, о, мадам. Еще до зари завезут – обещали, мадам.

Мария(вдруг, шепчет). Скажу по секрету: не очень настроена ждать...

Рэм. Мадам, не настроены ждать – не дождетесь. Впрочем, от скуки могу предложить – не желаете, жизнь?

Мария. Неужели живую?

Рэм. Живую, мадам, вполне не подохшую.

Мария. Подайте, скорее, сюда!

Рэм(прижимает ее руку к своей груди). А, точнее – кусочек любви, о, мадам.

Мария(шутливо). О!

Рэм. ...Политой слезами, как водится...

Мария. Ах!

Рэм(обнимает ее). ...Не слабо приправленной: крупными радости, зависти, злобы, отчаянья, жгучей тоски ...

Мария(смеется, нерешительно сопротивляется, ласково урезонивает). Миленький Рэм, пожалуй, что лишнее... Право, мне столько не съесть...

Рэм. Не пугайтесь, не бойтесь меня, умоляю...

Мария. Не надо бы этого – а, Рэм?

Рэм. Вы боитесь меня?

Мария. Не боюсь – просто я... Это лишнее, вы не сердитесь...

Рэм. Вы мне очень нужны.

Мария. Я – нужна?

Рэм. Вы во мне пробудили...

Мария(смеется). Охотника? Страшного зверя? Кого?

Рэм. Позабывтое чувство, Мария... До боли щемящее чувство, Мария...

Мария(торопливо). Я вас понимаю, я все понимаю, но, Рэм, поймите и вы... (*Выскальзывает из его объятий.*)

Возвращается прежний свет, волшебный город исчезает.

Он молчит.

Она же улыбается, на него глядя.

Рэм. Все правильно...

Мария. Что, Рэм?

Рэм. Подумал: все правильно.

Мария. Что правильно? Что вы подумали, Рэм? Эй, говорите, что вы подумали?

Рэм(задумчиво на нее смотрит). Вспомнил сон... Как будто нырнул в бурлящую воду... Хотел уплыть далеко... Однако, нырнув, я больно ушибся, потому что дно оказалось чересчур близко и плыть было невозможно... И вообще, оказалось, река никуда не бежала, она бестолково бесновалась по кругу, на одном месте... И меня бестолково кружило, и взбалтывало, и било о дно... Какое-то время я не сдавался, отчаянно боролся... Но, впрочем, устал и подумал: что толку сражаться, плыть все равно некуда?..

Роняет сигарету на пол, наливает виски в стакан, залпом выпивает, опускается на стул, странно улыбается.

Чертово время, оно пробежало даже еще быстрее, чем я успел сообразить, что оно пробежало... Я смотрю на себя, но я себя не вижу... Что-то пытаюсь себе объяснить – но я себя не понимаю... Кажется, впору смириться и праздновать вечность – я же все еще не согласен...

Мария(*садится с ним рядом, не сразу*). Не соглашайтесь. Успеете праздновать.

Рэм. В каком-то смысле я безнадежен, сами сказали.

Мария. Да, подумаешь, кто-то сказал! Всего-то сказала: что я не хочу с вами ЭТОГО...

Рэм(*не сразу*). Как же нам быть: я с вами только ЭТОГО и хочу...

Мария(*опускается возле него на колени, берет его руку в свою, прижимается щекой*). Рэм, Рэм... милый человек... Рэм, ну, зачем? Честное слово, упрямый мальчишка: ЭТОГО хочу, а ЭТОГО не хочу... Мой Тимка ЭТОГО пока не умеет сказать, он пока только: ма, хоцу... Кстати, очень похоже... (*Улыбается.*) Такой гонорар обещали – мне столько не снилось! Всего-то позировать ночь! Да еще и без ЭТОГО! Рэм, вспомните, сразу спросила: честно скажите, для секса зовете? А что вы ответили, помните: честно, зову для души. И глаза, Рэм, при этом глаза – детские-детские... Я про себя и подумала: в кой-то веки позвали меня для души. Мне и деньги нужны – но и вы так сказали...

Он молчит.

Я не ханжа, Рэм, не думайте... Как пишут в романах, у нас было прошлое... Даже, представьте, работала в стриптизтеатре... Как раз тогда Соню кормила – одновременно себя демонстрировала... Кончилось молоко – меня и прогнали... (*Берет его руку в свою.*) Вот, наконец, мне понятно: мужская рука... Крепкая, добрая, нежная... В одной руке – все: крепкая, добрая, нежная... Миленький Рэм... вы – прекрасный, вы – сильный, вы – странный немного... Я бы хотела такого отца... Вот мне бы сейчас такого отца – я бы все отдала...

Он отнимает руку, отворачивается, молчит. Вдруг, сползает со стула, порывисто обнимает женщину.

Рэм. Вы мне очень нужны...

Мария(*тоже его обнимает*). Рэм, ну, что вы?

Рэм. Я гибну, Мария...

Мария. Но, Рэм...

Рэм. Но я знаю, что гибну...

Мария. Не надо...

Рэм(обнимает все крепче). Кроме вас, у меня никого...

Мария(смеется). Мы знакомы едва полминуты – вы так говорите... Рэм, хотите еще, чтобы верила...

Рэм. Очень нужны...

Мария(смеется, пытается отстраниться). Говорили уже, Рэм, уже...

Рэм. Только вы и остались, вы и нужны...

Мария. Я сказала: но я не могу...

Похоже, борьба между мужчиной и женщиной завязалась нешуточная.

Уже и слов, кроме: «Мария-Мария», «Рэм, Рэм» – не разобрать.

Он ее валит на пол, она отбивается, он цепляется за нее, и даже, кажется, рвет на ней платье – наконец, она вырывается, убегает на кухню.

И он от нее не отстает.

Доносятся голоса.

Мария(выталкивает его). Я сказала вам: я не хочу! Еще повторить? – не хочу!

Рэм (перед дверью на кухню). Но я только хотел...

Мария. А не надо хотеть!

Рэм. Хотел вас почувствовать...

Мария. Нет!

Рэм. Я не хотел вас обидеть...

Мария. Про души наврали!

Рэм. Мария...

Мария. ...Врали про сад!.. Вы мне нужны!.. Подарите мне ночь!.. Откровение в красоте, спасение – в любви!..

(Появляется, снова в плаще, решительно направляется к выходу). Пропади оно пропадом, вечно одно и то же!

Рэм. Мария, послушайте...

Мария. Я не хочу!

Рэм(цепляется за ее рукав). Не уходите, пожалуйста, а?

Мария. Рэм, я очень спешу, меня ждут...

Рэм. Но я умоляю, прошу...

Мария. Не могу...

Рэм. Но, Мария...

Мария. Оставьте...

Рэм(опять пытается обнять). Мария, Мария...

Мария. Сколько можно, сказала же, сколько можно? *(С силой отталкивает его.)*

Рэм. Но я...

Мария. Нет! Прощайте! Все! *(Исчезает.)*

Рэм *(устремляется следом; доносится его зов.)* Не бросайте меня одного, я умру! Меня больше не будет, прошу! Мама! Мама!!

Тишина.

Художник возвращается; вдруг, срывает и раскидывает картины, опрокидывает стол с красками.

Темнота.

Часть вторая

Из темноты доносится странное бормотание.

На сцене светлеет – Рэм стоит на придуманном троне с растущими из спинки ветвями старого дерева заметно, что он пьян; очень пьян; по телефону кого-то о чем-то просит, то ли пытается объяснить...

Рэм. Римма, доченька... Что, ты не слышишь меня? Это же я, доченька... Это папа, не узнаешь? Ты, что ли, своего папу не помнишь? Как это может быть: что, совсем не помнишь? А кого тогда помнишь? Маму? Маму, значит, помнишь? Ну, ей там хорошо, если так... А я, доченька, – я как бы тоже... Я говорю: как бы, что ли, тебя породил... Чего ты сказала, не понял? А,

ну, верно: и я не помню, чтобы просила... Вот видишь, ты не просила – а я, видишь, все равно... Так вышло: ты мне как бы родная... Я – в уме... В каком уме – я не знаю... И вообще, я не знаю, что это – ум... Да, выпил – и что? А я позвонил, дочь... я позвонил, потому что... Я чего-то стал вспоминать: кроме тебя – никого... *(Со слезой.)* Вот, понимаешь, как мамы не стало – так и никого... Так не говори: я маму любил... А почему я ее не берег – я берег... Я ее любил... И ее любил, и тебя любил... Ты была маленькой, я на тебя смотрел, все думал: моя маленькая девочка... На меня похожа... Все думал: а что это значит? Что это значит – что ты моя маленькая дочурка, а я твой папа? Эй, куда ты? Доченька... Римма... *(Опускает телефон, кому-то еще повторяет.)* Смысл?..

И опять тишина.

Он достает сигарету, мундштук, долго возится, вставляет сигарету; чего-то опять ищет по карманам – достает зажигалку, добывает огонь; теперь задача – как прикурить: никак не получается совместить огонек с кончиком сигареты; вдруг, роняет мундштук на пол; слезает с трона, ползает по полу, находит смеющуюся маску младенца; долго разглядывает; надевает.

Появляется Мария; в мокром плаще.

Мария(с порога кричит). Рэм, Рэм! (Видит разруху, пугается.) Рэм, где вы, откликнитесь, Рэм? (Торопится на кухню.) Я вернулась, вы слышите, я вернулась! (Возвращается, тут замечает застывшего, наподобие скульптуры, старика). Рэм, Рэм! Рэм, зачем? Рэм, ну, что вы, ну, миленький, Рэм... Рэм, вы что, да зачем, как же так, ну, зачем? (Усаживает его на «трон».) Напугали меня – слава Богу... (Смеется.) Ну, так напугали, о, Господи, прямо до ужаса...

Впечатление – будто маска младенца смеется.

Она наливает в стакан коньяка, пьет.

Ой, мама, ой... *(Смеется.)* Ужасно замерзла, промокла, как мокрая курица... Правда, там дождь – там такое... А потрясающе, знаете: гром, дождь с ветром, воды по колено, ручьями... Всего два пролета по лестнице вверх или вниз – а как будто попадаешь из одной жизни в другую... Я уже тут прислушалась к тишине – а там столько звуков: хлопнула дверь, заплакал ребенок, женщина засмеялась, ворона на дереве закричала – ей сразу с других деревьев откликнулись... *(Смеется.)* Ворона, ребенок, женщина, жизнь!.. Видели бы вы меня: стою возле лужи, слушаю всю эту божественную какофонию, сама себе кажусь инопланетянкой – а, в результате, глядите, как меня окатило... Да, смешно – правда?.. *(Поднимает с полу картину.)* Я даже совсем не обиделась... на идиотов... чуть не наехали... И даже махала им вслед... Умчались... не видели, как я машу... Что вы тут натворили?

Он молчит.

Рэм... Эй, Рэм, да откликнитесь? Не хотите со мной разговаривать? Рэм, Рэм, Рэм?..

Тишина.

Скажите хотя бы: уйти? Провалиться? Исчезнуть? Эй, ну, ответьте же, наконец?

Нет ответа.

Я вернулась, Рэм, я подумала... В общем, ушла, а потом подумала... Просто скажите: я вам нужна? Ну, говорите же – нужна?

Он молчит.

Знаете, что, Рэм... Если еще не устали... Или, вернее, если еще не надоело... Ну, одним словом, если еще не передумали...

Короче, если я вас еще не совсем разочаровала... Ну, вы понимаете, Рэм... Послушайте, может, попробуем еще?

Нет ответа.

Она поднимает портрет женщины в черном с красным шарфом.

Не хочу, чтобы вы на меня обижались... Понять не могла: чего от меня хотите? Потом, окатило из лужи, наверно, дошло: от меня лично ничего – так? Рэм, я на кого-то похожа – так? Кого-то напонила – верно?

Он молчит.

Она нерешительно приближается к нему, тянется рукой – впрочем, прикоснуться не решается.

Рэм, вы кричали мне вслед... Что вы такое кричали мне вслед? Мама? Мне не слышалось: мама?.. Я бежала от вас, сломя голову, боялась, догоните – вдруг, чувствую, меня, как волной накрывает... Невероятно, мне, вдруг, почудилось: я уже слышала этот отчаянный зов... Когда-то, очень давно... Кажется, совсем в другой жизни: я выходила из дому, куда-то шла... Мне на пути выросло одинокое здание с черной дымящей трубой на крыше, с решетками на окнах и почему-то праздничной вывеской: «Детский домик». Обычно не пишут: домик, а пишут – дом... Детский дом – так... Если бы не было вывески – я бы решила: тюрьма... Домик меня напугал, я повернула в другую сторону. Но и дальше, и вообще, куда шла, на пути выростал тот же странный дом... Вдруг, подумала: не случайно... Пересилила страх и вошла. Я надеялась увидеть детей, услышать их голоса или смех. Но там было тихо, как в склепе. Затаив дыхание, я переходила из комнаты в комнату, разглядывала детские кровати, тумбочки, столики, стулья, раскиданные по полу игрушки, и никого не встречала... Наконец, в большой зале увидела, словно зависший между потолком и полом, прозрачный шар, внутри которого плавал старый мальчик... Я именно так о нем и подумала: какой еще

маленький и какой уже старый мальчик... Все в нем казалось необычным: он был очень худеньким, кожа – голубоватый пергамент; голубым отливали его белоснежные волосы и ресницы, и глаза казались огромными, как два синих озера... Увидев меня, он забился и закричал громко: мама... Он умолял меня, чтобы я помогла ему выбраться из шара... На меня, вдруг, нахлынули: радость, боль, счастье, каких я не знала прежде... Обо всем позабыв, я потянулась к нему – я увидела, что и он потянулся ко мне... Но едва я приблизилась к шару, едва наши руки соединились, младенец легко и без всяких усилий втащил меня внутрь... Я еще, помню, успела подумать: однако, какой сильный мальчик, как внезапно стены странного дома сами собой распались и нас с ним унесло...

Рэм (*очень тихо*). Куда?

Мария. Я в этом месте проснулась, но я... (*Неловко смеется.*) Рэм, я, вдруг, подумала: в нашей с вами ситуации самое дурацкое: вам обидно, что я кусаюсь, а я объяснить толком не умею – почему?.. Ну, правда, сама бы еще понимала... (*Приближается к нему.*) А если скажу, что дело не в вас и не в ком-то еще?.. И что никакой тут идеи и никакого для нас обоих разумного объяснения?.. Так, один ветер, или, хотите – глупость?..

Она к нему приближается.

Вы ведь позвали меня. Я вам нужна? Ну, скажите – нужна? Потому что, Рэм, если нужна... (*Снимает с его лица маску, растягивает на нем рубашку.*) Дуреха, подумала: это – прекрасно, в конце-то концов...

Он сопит и мычит, молча и невпопад отмахивается, она смеется, шутливо бьет его по рукам.

Ну-ну, что такое? Да не деритесь, вы, старый мальчишка... Рэм, ну, серьезно, ну, даже обидно... Теперь уже мне смешно, правда... Кажется, сами хотели?

Рэм (*отталкивает ее, встает*). Нет...

Мария. Нет?

Рэм. Ты не должна — нет...

Мария(смеется). Это еще почему?

Рэм. Не должна...

Мария. Что такое?

Рэм. Ты — мать...

Мария. Ну и что?

Рэм. Ты не можешь...

Мария(смеется, удерживает его). О, Господи, вы упадете!

Рэм (вяло отталкивает ее). Грех...

Мария(смеется). Серьезно?

Рэм. Мать, мать...

Мария(изо всех сил поддерживает старика). Ну, в общем... Можно еще добавить, что женщина... актриса, рабочая лошадь... Рэм, стойте, держитесь... Ищу приключения и нахожу... Они меня, кстати, тоже находят... *(Переводит дух.)*

Рэм. Так нехорошо... *(Нетвердо отступает, вдруг, медленно валится на пол, поднимается и опять валится, и опять пытается встать; впрочем, плохо получается, остается на четвереньках.)* Не можешь... Грех... Мы не можем... Вот...

Мария(терпеливо, мягко, ласково). Не буду... Раз просите — вот... Вот, видите, просто стою... Стою, ничего не делаю... Даже не пошевелюсь — замерла... *(Медленно, осторожно к нему подступает — как к хищному зверю.)* Вот, даже, видите, руки вверх... Не надо меня бояться... А то у нас с вами, как в жизни: я — вас боюсь, вы — меня боитесь... Миленький Рэм, я очень хочу вам помочь... Вы уж как-нибудь намекните, чтобы понятно: что надо делать? Эй, говорите же, эй...

Он тяжело поднимает непослушную голову и тоскливо завывает: «У-у-у...»

(Она смеется, и шутливо ему вторит.) У-у-у...

Рэм (протяжно). Ма-маа!.. Ма-маа!..

Мария(смеется). Мамы нет, мама уехала, мама далеко...

Рэм. Не бросай меня, мама?

Мария(как и положено с пьяным, терпеливо и с нежностью его успокаивает). Не брошу...

Рэм. Не надо...

Мария. Ну, я же сказала: не брошу...

Рэм. Мама...

Мария. Не брошу... не брошу, не брошу... никогда не брошу...

Рэм. Я тебя искал...

Мария(определенно поддакивает). Я тоже тебя искала...

Рэм. Мама, ты мне нужна...

Мария. Хорошо...

Рэм. Мамочка...

Мария. Да, мой хороший...

Рэм. Мама...

Наконец, они вместе, близко, друг возле друга, крепко обнявшись. Внезапно он отстраняется.

Слышишь?

Мария. Что, милый?

Рэм. Ребенок...

Мария. Где?

Рэм. Плачет...

Мария. Ребенок?

Рэм (жметя к ней). Надрывается – так плачет...

Мария(тоже к нему прижимается). Тебе показалось...

Рэм. Он плачет...

Мария. Малыш, мы нашли... Плохое позади...

Рэм(опять отстраняется, куда-то глядит, к чему-то прислушивается). Он только еще появился – уже так плачет...

Мария. Ты фантазер...

Рэм. Ему больно – кричит...

Мария. Все дети кричат...

Рэм. Почему?

Мария. С криком рождаться – нормально...

Рэм(с силой стискивает ее плечи). Нормально?

Мария. Миленький, больно...

Рэм. Он так кричит – он как будто предчувствует жизнь...

Мария(*снова пытается ее обнять*). Глупенький мой: он кричит, что родился, что жизнь впереди – прекрасная жизнь...

Рэм. Он зовет – она, как оглохла...

Мария(*смотрит туда же, куда и он*). Ей больно...

Рэм. Он только является миру... На нем еще пена любви... Еще пуповина не оборвана... Они еще одно целое... Она уже от него отвернулась...

Мария. Она плачет...

Рэм. Их навсегда разлучают – она отвернулась...

Мария. Ей очень больно...

Рэм. Его уносят – она не глядит...

Мария. Она плачет...

Рэм. Она даже не понимает: что уже никогда не возьмет его на руки... не прижмет, не утешит... Никогда ни накормит, ни напоит, не приласкает, не защитит... Не увидит первых его шагов... Не увидит, как падает, как ушибается, плачет от боли... влюбляется, мучается, страдает... гибнет – все-таки выживает... Она никогда не узнает, что он, ее сын, так, по сути, никогда не был счастлив по-настоящему...

Мария(*со слезами его обнимает*). Миленький мой...

Рэм(*тоже ее обнимает и плачет*). Мама...

Мария. Что мне делать, любимый?..

Рэм. Не знаю...

Мария. Боже, скажи, что мне делать?

Рэм. Не знаю...

Свет гаснет.

Часть третья

Похоже, светает.

Неясно откуда, но факт: в бомбоубежище просачивается утренний свет.

Рэм, как младенец, свернувшись калачиком, спит на тахте.

Из кухни появляется Мария с подносом в руках, на котором заваренный кофе в стаканах, салфетка, вареное в смятку яичко.

Она в длинной мужской рубашке до колен и в огромных мужских туфлях.

Высоко поднимая ноги, смешно шлепает.

Опускает поднос на пол, осторожно садится на тахту.

Вдруг, встает, озирается, похоже, чего-то ищет; наконец подбирает окурок с полу, прикуривает, стоит, с улыбкой глядит на спящего.

Мария(шепчет). Кофе дымится... Милорд, просыпайтесь...

Он не пошелохнется.

Она зовет громче.

Рэм, слышите, эй? Над планетой земля солнышко встает... О чем говорит? Что жизнь продолжается – говорит... Кофе пить на рассвете – такая фантазия, Господи... Ах, не желаете? Вам-то, конечно, не привыкать – я, бедная, помнить забыла про кофе вдвоем на рассвете... Я знаю, что вы меня слышите... Целую ночь спящей разглядывали... Чего-то шептали... Я вас ощущала все время... Уснула – как провалилась, все равно ощущала... Кофе остынет...

Наклоняется ближе к нему.

Вы, Рэм, притворщик – вот вы кто... Я вам прямо сейчас всю правду про вас расскажу – и тогда поглядим... И посмотрим, как после... Слушайте, странный вы человек... В общем, так: вы, Рэм, совсем и не старик... Притворяетесь только... Даже, скажу, ровным счетом наоборот: вы – сильный, вы – гордый, вы – очень талантливый, очень счастливый... Еще – очень ранимый, очень брошенный, очень несчастный... Сами себя тут закопали – сами же испугались... (Вдруг, шепотом.) Рэм, Рэм... Идея: перебирайтесь ко мне? Я совсем одна после второго

пришествия... Это я иногда своего второго так с содроганием вспоминаю: пришествие номер второе... Так вот, Рэм: после этого самого, был который... Ну, в общем, который был... Комната, в общем, пустая... Окна, кстати, на юг... Вчера журавли пролетали, мы им целым семейством махали вслед... Рэм, хотите, живите, пока не надоест... Запретесь – и дети не станут мешать, и работайте, сколько захочется... Согласны?... Даже денег не надо... Можно и без них... Просто не надо – и все... Увидите, все будет хорошо... Кстати, мой первый спектакль так и назывался: «Все будет хорошо»... С тех пор, не поверите: все у меня хорошо...

Рэм (садится и тихо, и с нежностью). Мама...

Мария (с улыбкой его поправляет). Мария... Надо – Мария... (Прилаживает у него на груди салфетку). Меня и мои мамой не называют: Мария... (Заботливо кормит из ложечки яичком в сяточку). Смешно, Рэм, вы спите – точь-в-точь, мой Тимка: носом в подушку и будто не дышите... По утрам мне его добудиться – подвиг... Я другая: я, например, подскакиваю и бегу... Мама покойная говорила: сладко спать – горько просыпаться... Я, что горько, скорее проглатываю – и бегу, бегу... (С нежностью смотрит на него.)

Он со счастливой улыбкой глядит на нее.

Она улыбается.

Вот спасибо...

Рэм. Мария...

Мария. На моих почти шесть... Тимка обычно, как раз в это время, пришлепывает ко мне в постель, цепляется ручонками за мою руку и дрыхнет дальше... Сегодня, представляю, заявится – а мамочки нет...

Рэм (с блаженной улыбкой). Как хорошо, что ты здесь...

Мария. Придется мне мокрой бежать: плащ сохнуть не хочет...

Рэм. Мама – прекрасно звучит...

Мария (подает ему кофе). И прекрасно...

Рэм (*с благодарностью принимает*). Такое, кажется, простое слово и такое необыкновенное: мама... мама...

Мария *улыбается.*

Мама – подумать, подарок от Бога... с жизнью в придачу...

Мария. Рэм, пейте кофе, пока горячий... Наслаждайтесь пока, а подумать еще будет время...

Рэм. У зверя есть мама... У птицы есть мама... В соседнем подъезде... в таком же подвале как этот... живет горький пьяница... Иногда, по ошибке, ко мне забредает... Знает много историй... Имени своего почему-то не помнит... Но зато помнит маму – Афродита... Наконец-то, и я знаю: тебя зовут Мария... Мне еще надо привыкнуть: Мария...

Мария (*на мгновение замирает, странно смотрит на мужчину*). Привыкнуть – к чему?..

Рэм. Целую жизнь я думал и говорил: мама... Мария, Мария... Мария, Мария... Мария...

Она внимательно на него смотрит.

Все-таки странно: я постарел, ты – все такая же...

Мария (*осторожно*). Какая?

Рэм. Прекрасная... Разве я не говорил?

Мария (*чуть помедлив*). Рэм... послушайте...

Рэм (*блаженно отхлебывает кофе из стакана*). Да, мама...

Мария. Рэм, я серьезно...

Рэм. И я...

Мария. Утро... мы оба трезвые...

Рэм. Да...

Мария. К чему эти игры? (*Снимает салфетку.*)

Он молчит, улыбается, пьет кофе.

Зачем, Рэм?

Рэм (*с улыбкой*). Мария, побудь со мной, сколько получится... Мне, наконец, хорошо... Думай, прошу, о

приятном... Ты все понимаешь... Я все понимаю... Мы оба все понимаем....

Мария. Что мы оба понимаем?

Рэм *(с улыбкой)*. Что мы не чужие...

Мария*(мягко)*. Но я, Рэм... Я, собственно... Я говорила: я – не та женщина, Рэм... Вам, может, нужно, чтобы я была ею, но я – не она... Ой, вы так смотрите на меня – пожалуй, начну сомневаться: в самом деле, а вдруг, я – не я?

Рэм. Кофе – прекрасный...

Мария. Рэм, милый...

Рэм. Ты шла на кухню – я загадал: кофе будет прекрасный...

Мария*(терпеливо)*. Когда мамы не стало – мне тоже долго было не по себе: меня во мне, словно убыло... Ужасно винила себя, не хотела мириться... Что ни день, бежала на кладбище, плакала, умоляла простить... Где-то вычитала: души не умирают, только меняют одежды... Я уже Тиму носила, ужасно обрадовалась: наверное, мамина душа возвращается... Я про него так и думаю, так и называю про себя: мама моя...

Он пьет кофе, блаженно улыбается.

(Так же, мягко.) Рэм... иногда мы бываем безумны... И вообще, понятно, хочется жить интересней... Но мы все же помним при этом: мы же – нормальные?

Рэм*(было встает – впрочем, поднявшись, тут же и оседает, смеется)*. Видишь, Мария, к вопросу о вечной души и бренном теле: она еще рвется полететь, а оно ее держит...

Мария. Помочь?

Рэм*(смеется, упрямо мотает головой)*. Да нет, я и сам еще... *(Еще попытка.)*

Мария*(поддерживает его)*. Держитесь...

Рэм. Я еще сильный, я сам... Погнался вчера за тобой – и упал... Ты, наверно, обиделась на меня: почему я тебя не догнал?

Мария. Я видела, как вы упали...

Рэм*(вдруг, странный взгляд)*. Как я упал? Ты видела?

Мария*(не сразу)*. Но я же все-таки вернулась?

Рэм(прихрамывая, уходит от нее). Вот загадка: ногу дважды ломал в том же месте... Вчера опять приложился – и там же... Воистину, где тонко – там рвется!

Мария. Вам надо в больницу?

Рэм (бодро отзывается из дальнего угла мастерской). Поздно, Мария! Поздно и неважно! Нам бы вместе побыть!

Возвращается со шкатулкой, достает маленькую пожелтевшую фотографию, с улыбкой протягивает женщине.

Она улыбается; постепенно выражение ее лица меняется. Он подбирает с полу окурок, закуривает; впрочем, с любопытством поглядывает на нее.

Мария. Кто это?

Рэм(с улыбкой). Ты...

Мария. Я?..

Рэм. Не узнаешь?

Мария. Ну, опять... Еще фокус? Рэм, вы чего-то затеяли, Рэм? Сведете с ума – этим закончится... *(Вертит в руках фотографию, читает на обороте.)* «Сыночек...

Рэм. Читай! Читай!

Мария. ...прости, ради Бога... Жизнь – чтобы радоваться... чтобы любить... Мама...» Год одна тысяча девятьсот... Мама?... *(Направляется было к картине – вдруг, останавливается; странно на него смотрит.)*

Рэм. Как думаешь, что это значит?

Мария. Что значит?

Рэм. Не знаю... Я только знаю, что жизнь – это то, что ты помнишь... И я – это то, что я помню... И ты – это то, что во мне... Пока я дышу – ты во мне...

Она не отвечает.

Я знал, что мы встретимся – это все... Я знаю, что встретились, наконец, – это все... Остальное – неважно...

Мария. Вы – старый мальчишка...

Рэм. Сколько раз представлял нашу встречу...

Мария. Нашу?..

Рэм (*смеется, берет ее руки в свои*). Ну, конечно, а чью же еще?

Мария. Миленький, остановитесь...

Рэм. Ты ушла из роддома – я там остался... Беспомощный мальчик... Только родился – уже совсем один... А, согласишься, это странно?

Мария. Но, Рэм...

Рэм. ...Меня подобрали добрые люди... Вообще, знаешь, мне везло: я видел много добра... О, я тебе все-все расскажу, что со мной было после... Ну, в смысле, после того, как ты меня бросила... Что, ты согласна?

Мария. Рэм...

Рэм. ...Фотография, что ты оставила мне, долго была не со мной – пока я ее отыскал... Представь, мне все приходилось выдумывать самому: глаза, лоб, губы... Ты была для меня воплощением сказки, видений... Я тебя наделял всеми причудами мира: множеством рук, ног... плавниками, хвостами, крыльями... Чтобы ты могла плавать, летать, спасаться, настигать...

Мария. Рэм...

Рэм. ...Чтобы ты ни в чем не знала препятствий, сомнений, тоски...

Мария. Рэм...

Рэм. ...Замечательная, удивительная, единственная... Всегда про себя повторял: самая замечательная на свете, самая единственная на свете...

Мария. Я не могу больше в это играть...

Рэм. ...Ты меня бросила – я тебя не винил... Никогда, никогда, никогда... Разве что – ревновал... Все дело, наверное, в этом: если ты не нужен даже собственной, собственной!.. Не было дня, чтобы я о тебе не подумал... не пытался тебя ощутить... Я повсюду тебя искал – тебя нигде не было... (*Берет ее руку в свою.*) Мне было плохо... Всегда без тебя было плохо... Всегда рядом были люди – все-таки мне не хватало тебя... Мне давали приют, одевали, кормили меня... жалели,

носились со мной, утешали меня, как могли... Я все равно оставался самым одиноким, самым обиженным, самым отверженным...

Мария. Если вы шутите, Рэм, – мне уже не смешно, а если серьезно – тем более, остановитесь...

Рэм. Но – почему? почему?! Почему – я же чувствую?! У меня все болит – я хочу понять?! Пережить, понять, простить, позабыть?!

Мария. Не могу...

Рэм. Почему?!

Мария(вдруг, кричит). Хорошо!.. Я не знаю, не знаю!!.

Тишина.

Рэм. Скажи... тебе с ним было хорошо?

Мария. Я не могла представить, что ты будешь так страдать...

Рэм. Но ты была счастлива с ним?

Мария. ...Я тоже, как ты, представляла встречу с тобой...
Тоже, как ты, искала слова... Тоже себе говорила: если Бог мне когда-нибудь даст увидеть моего мальчика... если когда-то мне Бог...

Рэм (*ласково, бережливо обнимает ее*). Вечность прошла, меня мучит вопрос: почему он – а не я?

Мария. Он?..

Рэм. У тебя же был выбор: он мог уйти из Сада – я мог бы в Саду остаться? Что, разве не так? (*Крепче ее обнимает*).

Мария. Я не знаю...

Рэм. Почему ты его предпочла – не меня?

Мария. Я любила его...

Рэм. А меня?

Мария. Я любила, прости меня, я любила...

Рэм. Но я твоя плоть, я твоя жизнь?!

Мария(*пытается вырваться*). Пощади, я любила...

Рэм. Почему? Объясни: почему?! Я желаю понять: почему?!

Мария. Я любила! (*Оседает возле него на колени.*) Я

виновата, но я – любила!! Любила, любила, любила... *(Плачет.)*
Любила, Боже мой...

Тишина.

Рэм *(вдруг, тихо)*. Любила... Любила, любила... Конечно, любила... Сейчас... Вдруг, стянуло в виске – я сейчас... Так просто и ясно: любила... Я, собственно, догадывался: наверно, любила... Поверить не мог, не хотел и не верил... Я был не готов... Любила – как, может быть, только возможно любить: беззаветно... без оглядки... не зная сомнений... Ты его любила... О, кажется, я понимаю: любила... *(Молчат.)* В самом деле, подумать: одна радость в жизни – Любовь... Разобраться, Она одна – и есть тот загадочный Сад, куда нас так тянет... Вот только нюанс: тот Сад – для двоих... Едва появляется третий – и кем бы он ни был, тот третий, неважно, – листва в том Саду осыпается... Казалось, волшебный пейзаж, вдруг, превращается в нудную местность... где только быт, бессмыслица и тоска... *(Смотрит на женщину, опускается возле нее на колени.)* Я понял: она любила его... Так просто и ясно: любила... Красиво любила – до смерти... Я никогда не подумал: она же могла умереть без него?... *(Смотрит на женщину.)* Она для меня написала три слова на фото – про это? Скажите, вы со мною играли – про это?

Мария встает, рукой вытирает слезы, молча собирает одежду, уходит на кухню.

Рэм на полу.

Гаснет свет.

Часть четвертая

Рэм у мольберта, на чистом холсте карандашом торопливо расчерчивает скорые линии.

Рэм (*возбужденно бормочет*). Я понял, я понял... Я понял, все понял... Мария, я понял, что делать... Мне казалось, что я любил ее больше жизни – но я ненавидел... Думал, что никогда не прощу – я все понял... Я понял – чего не желал понимать... (*Молча работает.*) Вспомнить, сколько я бился – и как у меня ничего не получалось... Сколько искал – и не находил... Она же любила?... У любви другое лицо... Другое, совсем другое...

Появляется женщина.

Снова в плаще, как в самом начале этой странной истории. Медленно приближается, наблюдает за его работой.

Теперь, может быть, и получится... Чувство такое – как в последний момент, в последний вагон уходящего поезда... Как кто-то невидимый крикнул мне: прыгай, спасайся... (*Смеется.*) Мария, сейчас расскажу – и вы тоже удивитесь: какая простая история, какая чистая история, какая удивительная история про великую женщину и великую любовь... Эта женщина мне, уходя, объяснила про самое важное: жизнь – чтобы радоваться, чтобы любить... Подумать, я посылал ей проклятья – все-таки она оказалась права: рождение, смерть – неизбежны, а жизнь – чтобы радоваться... (*С удовольствием смотрит на женщину.*) Как хорошо, что вы здесь... Хорошо-хорошо... Поверьте, мне хорошо...

Мария (*с улыбкой*). Хорошо...

Рэм. Даже боязно – так хорошо... Удивительно...

Она улыбается.

Он улыбается.

Оба они улыбаются.

Рэм. Почему вы в плаще? Вы уходите?

Мария. Да...

Рэм. Так скоро?

Мария. Пора...

Рэм. Жаль...

Она улыбается.

Я думал... Я в общем, надеялся... Мы поработаем... У меня, собственно, все готово... Я, вдруг, увидел – какая она... Если это возможно, Мария... не уходите, прошу? Ну, хотя бы недолго еще – я прошу? Вы же знаете: вы мне нужны... Вы мне очень нужны – ну, пожалуйста?

Женщина улыбается.

Эх, все-таки уходите? Мария, уходите от меня?

Мария. Не от вас, Рэм, – вообще как бы...*(Разводит руками.)*

Рэм. Как вообще? Почему вообще? Не понимаю, Мария, что, вообще, это значит – вообще? *(Вдруг, достает мундштук, сигарету, нервно мнет, рвет и крошит табак.)* Вообще, вообще... Вообще... Черт побери, вообще!

Тишина.

Она по-прежнему улыбается на него глядя.

Внезапно он подбирает свой плащ, выворачивает карманы, находит деньги, выкладывает на стол, на женщину не глядит.

Ладно, раз так... В общем, как знаете... Только вы знайте: мне жаль... Не то слово – тоска... Деньги – что обещал...

Мария. Рэм, послушайте...

Рэм *(обрывает)*. Я мог ошибиться – пересчитайте... Считайте-считайте... Пересчитайте, прошу!

Мария*(не сразу)*. Рэм, что-то не так?

Он молчит.

Ночь была и прошла... Чары рассеялись... Пора возвращаться в жизнь...

Рэм *(не сразу)*. Они не рассеялись...

Мария*(смеется)*. Как, еще нет?

Рэм. Чувство осталось: кто-то меня понимает... Мне показалось — я вам нужен...

Мария. Кто знает, возможно, вы правы и мы не чужие?

Рэм, вдруг, странно глядит на нее.

Кто знает?..

Рэм. Оставайтесь?

Мария. Я глядела на вас, мне временами мерещилось: как будто мой Тимка жил, жил и состарился... И как будто мой Тимка не может меня позабыть...

Рэм. Я так долго ждал...

Она улыбается.

Мария, не уходите? Если уйдете — умру...

Мария. Но был уговор: до утра... Уже утро...

Рэм. Хотя бы недолго — оставайтесь? Еще час, еще полчаса, еще полминуты — побудьте? Ну, мне очень важно — поверьте? Мария с букетом, Мария-кенгуру, Мария... Прошу вас, Мария: как если бы маленький Тима состарился и попросил? Для Тимы остались бы — да? да? Ну, как мне еще вас молить: на коленях?

Мария(смеется). Рэм, вы сущий ребенок, честное слово...

Рэм. Мария, останетесь? Правду скажите: останетесь? Останетесь, да? Да, останетесь? *(Пятится от нее, как заклинает.)* Вы останетесь — да, остаетесь? Вы мне обещали, что все будет хорошо — значит, все и будет хорошо... Никуда от меня не уйдете — и хорошо... Обещайте, что будет хорошо... Ну, в конце-то концов, должно же быть хорошо... Иначе — зачем эта жизнь? *(Уходит на кухню, радостно выкрикивает оттуда.)* Мария, охота жить! В этом безумном и страшном мире — но жить! Дурацком, несчастном — но жить! Жить, жить! Гениально придуманном, пошлом, бездарном! Прекрасном, светлом, единственном, вечном! Боже, как хочется жить! Мария, недавно я понял: что все неважно! Наши боль, обиды, страхи, тоска, одиночество! Кошмары, метания, слезы, крики о помощи, суета! Все, Мария, неважно, кроме того, **ЧТО МИР**

СУЩЕСТВУЕТ! Кроме того – ЧТО ОН СУЩЕСТВУЕТ, МАРИЯ!

Она, вдруг, берет со стола деньги, быстро уходит.

Этот мир без меня – не представляю! Стариться – не хочу! Умирать – не согласен! Я так и не понял – что значит жить! Не зная, ЧТО ЭТО ТАКОЕ – можно только предполагать! Я очень старался, Мария! Но, оказалось – совсем не про то предполагал! Оказалось – не то и не так предполагал! Оказалось – невозможно предположить!

Женщина возвращается, оставляет деньги на столе, торопливо уходит прочь.

Ощущение было – она, жизнь, еще вся впереди! Как будто еще даже не начиналась! (*Появляется преображенным: с сияющим лицом, в перемазанных краской и глиной штанах и просторной рубахе, в руках поднос с глиной.*) А сегодня день первый, Мария! Мария, согласны: день первый? Мария, вы слышите меня? Где вы, Мария? Мария! Мария!..

Видит, что ее нет, роняет поднос с глиной, устремляется было прочь из подвала – впрочем, вдруг, останавливается; возвращается, стоит; поднимает с полу картину волшебного города, задумчиво разглядывает. Свет постепенно покидает жилище художника...